

Т.В. Темаев, О.А. Мельникова

РОЛЬ СЕМЬИ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛОГО ОСУЖДЕННОГО

В статье на основе применения качественной методологии осуществлен социологический анализ института семьи применительно к осужденным пожилого возраста. В противовес традиционным представлениям показана его низкая эффективность в исправительном и воспитательном отношении, обозначены ресоциализационные траектории представителей третьего возраста в отношении посттюремной перспективы, предложена авторская типология пожилых осужденных, основывающаяся на их взаимоотношении с семьей и близкими родственниками.

Ключевые слова: *пожилые люди, преступность, осужденный, исправительное учреждение, ресоциализация, социальная адаптация, подготовка к освобождению, семья, качественная методология.*

Keywords: *elderly people, criminality, condemned, prison, resocialization, social adaptation, pre-release work, family, qualitative methodology.*

Семья написала письмо: «Забудь нас!». И все.

Из интервью с осужденным

Традиционно считается, что в жизни любого человека важнейшую роль играет институт семьи, влияние которого особенно возрастает в кризисные моменты жизни, к которым относится пребывание человека в местах лишения свободы. Однако этот тезис не столь очевиден, когда речь идет о пожилых осужденных.

Отталкиваясь от мнений сотрудников исправительных учреждений, указывающих, что лишь около 20 % пожилых осужденных относятся к категории «случайных преступников» и имеют связи с семьей и родственниками, подчеркнем, что в данной статье объектом исследования являются пожилые осужденные мужского пола с опытом неоднократного отбывания наказания в местах лишения свободы, семьи, как правило, не имеющие, или давно прервавшие связи с ней.

Во время отбывания наказания в виде лишения свободы человек отрывается от семьи, источника моральной и материальной поддержки, семьи часто распадаются, оставляя осужденного в одиночестве. А ведь семья, казалось бы, должна играть важную роль в жизни преступника в процессе его пребывания в исправительном учреждении (ИУ) и после окончания срока наказания в период «посттюремной» социальной адаптации, что, безусловно, делает актуальным исследование проблемы, предложенной в данной статье.

Как отмечают исследователи, распространенность преступности среди лиц, имеющих семью, ниже, чем среди холостых и одиноких (Криминология 1988: 95). В большинстве случаев семья стимулирует положительное поведение бывших преступников в исправительном учреждении, осуществляя социальный контроль. Осужденные, имеющие родственников, чаще характеризуются с положительной стороны, чем одинокие, причем чем больше у осужденного иждивенцев, тем лучше его характеристика. Также исследователями установлена прямая зависимость поведения осужденного во время отбывания наказания в ИУ и последующего рецидива — чем лучше характеристика осужденного в тюрьме, тем меньше вероятности совершения им нового преступления после выхода на свободу (Двойменный 2000: 65). Отсюда следует вывод о том, что осужденные, имеющие на свободе семью, соблюдают требования режима ИУ и лучше адаптируются к условиям жизни на свободе, а периодические свидания с родственниками, возможность неограниченно вести переписку — те средства, которые не позволяют окончательно «исключить» заключенного из социальной среды вне исправительного учреждения (Новикова 2003: 98).

Задачей данной статьи является социологический анализ значимости социального института семьи как профилактического инструмента в исправительных учреждениях и выявление его роли применительно к пожилым осужденным. В качестве первоначальной гипотезы исследования выступало представление о том, что криминальный жизненный опыт человека и объективные обстоятельства, связанные с ним, влекут за собой деформацию личности и образа жизни пожилого осужденного, разрушая его семейно-родственные связи и отношения, которые, в результате, не оказывают положительного влияния на процессы исправления и перевоспитания осужденных третьего возраста.

Методические замечания

Разработка программы исследования, постановка исследовательских задач и гипотез, подготовка инструментария, сбор и анализ материала, а также работа над статьей проводилась по методологии «двойной рефлексивности» (n = 41, 2007–2009 гг.)*. Концепция двойной рефлексивности связывает теоретические

* Исследование было проведено в рамках школы-студии глубинного интервью при кафедре социологии Саратовского государственного технического университета: руководитель — к. филос. н. И.Е. Штейнберг; участники «длинного стола» — к. соц. н. А.А. Смолькин, аспирантка С.В. Филиппова.

категории качественного исследования и качественно-количественного интервью со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, которому присущи вживание, глубинные интервью, а также коллективная интеллектуальная поддержка в режиме «длинного стола» (Шанин 1999: 317–344). Количество респондентов обусловлено особенностью достижимости объекта и классификацией по «срокам» отбывания наказания в местах лишения свободы, насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователю нового понимания для раскрытия темы). В качестве респондентов выступали сотрудники девяти исправительных учреждений г. Саратова и области, осужденные пожилого возраста (51–73 лет) семи исправительных учреждений. В качестве экспертов в исследовании выступили три инспектора по социальной работе двух исправительных учреждений*.

Ключевым вопросом исследования являлся вопрос: «Почему несмотря на общепринятые представления о значимости института семьи в процессе исправления личности осужденного ее положительная роль для осужденных третьего возраста практически не прослеживается»? Вопросы, задаваемые сотрудникам исправительных учреждений и осужденным, были разбиты на шесть блоков: «Оценка сотрудниками исправительного учреждения роли семьи в жизни пожилого осужденного», «Семья как фактор поддержки бывшего осужденного пожилого возраста», «Отказ семьи от бывшего осужденного», «Семьи никогда и не было», «В семье не без урода», «Неудачный брак как фактор преступности».

Все интервью с осужденными проводились на территории исправительного учреждения, в отдельном помещении в присутствии сотрудника учреждения. Ввиду специфичности респондентов интервью имели различную длительность и содержание: 20–45 мин., в среднем по 30 мин. При транскрипции авторы статьи старались сохранить специфику «естественного словаря» (Демятко 2006: 47) респондентов (ненормативная лексика в статье не использовалась, «тюремный» жаргон пояснялся). В процессе вербальной коммуникации мы старались свести к минимуму отмеченный Г. Батыгиным «эффект смысловых ножниц» и «семиотический вакуум», вызванный несопадением фокусов речи (Батыгин 1995: 50).

Оценка сотрудниками исправительного учреждения роли семьи в жизни пожилого осужденного

Сотрудники исправительных учреждений подчеркивают, что среди значимых аспектов жизни осужденного любого возраста огромное значение имеет семья и взаимодействие с родственниками. Пожилые заключенные не являются исключением, даже наоборот, у них, в силу возраста, увеличивается количество значимых субъектов. События, происходящие в семье заключенного пожилого возраста, заставляют его испытывать эмоциональные переживания,

* Особую благодарность хотелось бы выразить отцу Сергию Выгодину за помощь и сотрудничество в проведении настоящего исследования.

которые не всегда являются положительными, что отражается на его пребывании в исправительном учреждении:

И.: Скажите, есть ли какие-нибудь значимые аспекты в жизни пожилого осужденного, которые бы могли изменить его образ жизни, чтобы он захотел освободиться досрочно и не оказаться снова в исправительном учреждении?

Р.: Я так считаю, значимые события могут быть только семейные. Многие приходили и говорили: «Вот, у меня внучка женится, то есть замуж выходит, у меня внук там вот...». Есть такие, но их единицы. То есть значимые события — это внутренние, если не потеряны связи. Они очень переживают, сейчас разрешены звонки без ограничения. И если у них кто-то есть, они стремятся к свободе, зная, что их там ждут родственники, в основном это дети или внуки.

(Начальник по воспитательной и кадровой работе 1)

Р.: Вот, был один. Он собирался освободиться. Он нерусский был, откуда-то с Северной Осетии. Он собирался домой ехать после освобождения. У него уже есть семья, сын там, жена. Он туда возвращается. Если у человека нет никого... Есть такие случаи, когда они вцепляются сотрудникам в ноги, не надо, не освобождайте меня, мне некуда идти.

(Психолог исправительного учреждения 1)

И.: Семья изменяет заключенного? Кто-то хочет измениться, чтобы вернуться в семью?

Р.: Сильно влияет. Вот у кого есть семья, особенно если есть дети, у них в основном стимул вернуться в семью.

(Психолог исправительного учреждения 2)

И.: А есть ли примеры у вас, когда родственники, семья отказывается принять осужденного и не желает налаживать с ним связь по какой-то причине?

Р.: Да, в последние дни были такие примеры, заключенный пишет, а ответа нет. В этих случаях, опять же, по заявлению заключенного делается запрос в ГорУВД или районное отделение. Там уже местные власти разбираются, что как, и отсылают материалы обратно нам с ответом или с объяснительной запиской.

(Начальник отряда осужденных пожилого возраста и инвалидов)

С другой стороны, события, происходящие в семье пожилого осужденного, могут использоваться некоторыми из них в качестве аргумента для условно-досрочного освобождения (УДО). При этом актуализация необходимости освободиться досрочно именно по семейным обстоятельствам может быть как искренней, так и ложной:

Если он захочет пойти на УДО, он представит целый список — здоровье у него плохое, дочь замуж вышла, внучка родилась и так далее, но ничего реально делать для этого не хочет.

(Начальник отряда осужденных пожилого возраста и инвалидов)

Отгалкиваясь от вышеприведенных интервью, можно констатировать, что семья пожилого заключенного является источником его эмоциональной трансформации. Однако отметим, что количество пожилых осужденных, имеющих семью, невелико. Отсутствие у осужденного семьи, с одной стороны, положительно влияет на его эмоциональное состояние в стенах исправительного учреждения, но, с другой, дистанцирует его от социально полезных связей вне стен ИУ, отрицательно влияя на его подготовку к освобождению и последующую адаптацию:

Семей у них практически, у процентов 50, нет. Поэтому принципиально и говорить об их устройстве где-то, об адаптации их к жизни на свободе, сложно. Почему? Потому что, по опыту даже работы здесь: я, допустим, на 13 колонии проработал около 7 лет, там общий режим, они первый раз заезжали. И здесь я пришел, я их всех уже встречаю. Вот. То есть, если у него есть семья, допустим, жена, дети, это... Если он первый раз сидит, ой, он может еще раз не попасть. А остальные все прямым ходом назад ... Вряд ли они где устроятся.*

(Начальник исправительной колонии)

И.: *Со многими осужденными семья и родственники поддерживают контакт?*

Р.: *Человек 20, вот так примерно**.*

(Начальник отряда осужденных пожилого возраста и инвалидов)

Конечно, не все осужденные пожилого возраста являются одиночками. Некоторые имеют семью, возможно, неполную, но их ждут на свободе не только какие-то дела, но и родственники, с которыми они связывают свою дальнейшую жизнь. К качественным характеристикам осужденных третьего возраста, имеющих семью, можно отнести небольшой общий срок пребывания в местах лишения свободы и/или наличие сожительских семей.

И.: *Вы женаты, дети есть?*

Р.: *Ну, вот с женой-то да, с женой мы развелись. Двое детей. Дочь. Она (жена) ушла в Новосибирск, она у меня из Новосибирской области, увезла дочь в Новосибирскую область, домой уехала. А сын со мной остался, 8 лет.*

(Осужденный, 59 лет, первый срок заключения, декабрь, 2007)

И.: *Скажите, пожалуйста, как вы видите ваши перспективы после освобождения? Чем вы собираетесь заниматься?*

Р.: *Я думаю. У меня даже она, просила меня сколько раз. Я говорю, я несколько дней... Чтобы я сюда не попал. Вот, приходили. С ней у меня перспективы. Охота сойтись с ней и жить.*

* «И здесь... я их всех уже встречаю». Имеется в виду, что осужденные не встали на путь исправления, вновь совершили преступление, и их осудили на отбывание наказания в колонии не общего, а уже строгого режима.

** Всего в отряде, сформированном из пожилых и инвалидов, 97 человек.

И.: С ней — это с кем? С бывшей женой?

Р.: Нет. Как знакомая.

(Осужденный, 60 лет, третий срок заключения, декабрь, 2007)

Таким образом, можно утверждать, что в подавляющем большинстве случаев отсутствие семьи наблюдается именно у пожилых осужденных, что создает для них дополнительные трудности в процессе ресоциализации. Несмотря на это, в процессе осуществления исправительных мер семья осужденного используется сотрудниками учреждений в качестве важнейшего фактора посттюремной адаптации, хотя около 70 % опрошенных респондентов не желают налаживать давно утраченные связи с семьей и родственниками, другие же, наоборот, желают, но являются отвергнутыми своими семьями и родственниками (10 %). Тем не менее, согласно мнению сотрудников ИУ, в частности, инспекторов по социальной работе, налаживание семейных взаимоотношений является не только восстановлением социально полезных связей, но и местом, куда пожилому осужденному, освобожденному от отбывания наказания в местах лишения свободы, можно будет вернуться пусть даже и на «временное» проживание.

Семья как фактор поддержки бывшего осужденного пожилого возраста

Первые же интервью с осужденными пожилого возраста сразу обозначили тенденцию опровержения выдвинутой нами гипотезы. Многие респонденты подчеркнули значимость семьи в их жизни до попадания в исправительное учреждение и считают, что семья поддержит их или поддержала бы (если бы была) в период выхода на свободу:

И.: Была у вас семья, да? А дети были?

Р.: Есть сын у меня.

И.: И вы с ним связь поддерживаете, нет?

Р.: Поддерживаю... Сестра родная у меня в Саратове. Я с ней связь поддерживаю.

(Осужденный, 66 лет, 3 срок заключения, стаж 30 лет, июль, 2008)

И.: Вы не собираетесь бросать свое дело, оно уже ваше? И будете продолжать?

Р.: Да нет. Я вот решил, что, наверное, уеду куда-нибудь. Неохота далеко, все-таки мать родная здесь.

(Осужденный, 60 лет, стаж заключения 32 года, декабрь, 2007)

С другой стороны, роль семьи и родственных отношений в жизни пожилого осужденного может быть оценена и негативно. Так, например, декларация связей с семьей бывшими преступниками используется в целях улучшения своей характеристики для смягчения наказания в суде и, в итоге, избегания нежелательного места отбывания наказания в местах лишения свободы:

Р.: На четверке, тем более, нет. Я от четверки 30 лет все социальные и родственные связи включал, лишь бы не попасть на четверку.*

(Осужденный, 60 лет, стаж заключения 32 года, декабрь, 2007)

Как справедливо отмечает Т. Минязева, в случае совершения осужденным преступления на почве личных неприязненных отношений между супругами не всегда целесообразно принимать меры к сохранению семьи (Минязева 2001: 70). По этой же причине не все пожилые осужденные имеют желание наладить связи с семьей:

Р.: Ну, как вот... Дураку надо было, когда прошло 10 лет, даже 15, надо было написать доверенность ... С 1989 года нигде не был зафиксирован. Я вышел, вновь женился, с нуля начал жить. И вновь все нажил, полностью. А супруга та, вот я понял, да, рада до смерти, чтоб я сдох, не знаю почему, чтоб ей все досталось.

(Осужденный, 67 лет, второй срок заключения, декабрь, 2007)

Таким образом, с точки зрения пожилых осужденных, семья представляет собой важный, социально значимый фактор в их жизни. Одна группа респондентов отмечает это в связи с отсутствием близких или связей с ними, считая, что семья помогла бы им адаптироваться к жизни на свободе в «посттюремный» период. Другие отмечают значимость семейных взаимоотношений в связи с наличием определенных проблем, оставшихся на свободе (жилплощадь, больные родители, одинокие родственники).

Отказ семьи от бывшего осужденного

При традиционно положительной оценке роли семьи в жизни осужденного, в том числе и пожилого, отметим, что не все семьи готовы поддержать заключенного во время отбывания наказания и после освобождения. Трудно не согласиться с Т. Минязевой в том, что длительное отбывание наказания в местах лишения свободы не способствует поддержанию брачного союза, т. к. в сознании каждого из супругов идет психологически трудный процесс ломки понятий и представлений о браке и семье (Минязева 2001: 70). Из высказываний инспекторов по социальной работе следует, что фактическое наличие семьи и адреса ее проживания еще не означает, что вопрос об устройстве осужденного в «посттюремный» период уже решен. Родственники пожилого осужденного, как правило, не желают принять его после очередного освобождения, бойкотируя деятельность центров социальной защиты:

Р.: Пишешь, пишешь, посылаешь запрос за запросом, а там тишина. Никому он не нужен!

(Инспектор по социальной работе 1)

* Имеется в виду ИУ № 4 Саратовской области, где, с точки зрения осужденного, более жесткие условия отбывания наказания.

Р.: И родственники есть, и даже дети, но он им не нужен. На письма они не отвечают. Да и обвинять-то их не в чем. Мы думаем: «Куда бы его пристроить», а они думают: «Он полжизни в тюрьме сидел (имеется в виду никакого положительного участия в семейных делах не принимал), а теперь за ним ухаживай».

(Инспектор по социальной работе 2)

В качестве причин неготовности семьи выступить в качестве значимого фактора поддержки родственника отмечают, как правило, большой преступный опыт и отсутствие фактической связи осужденного с семьей. Стоит подчеркнуть, что речь в данной статье идет о пожилых заключенных, чей опыт пребывания в исправительном учреждении (соответственно, вне семьи) составляет от 20 до 45 лет. За этот период времени могла распасться и сформироваться не одна семья, в связи с чем, по результатам наблюдений в ходе исследования, можно констатировать озлобленность осужденных в отношении членов семьи, хотя данное явление наблюдалось не повсеместно.

Р.: А вот вы мне скажите, вот я отсидел 45 лет общей сложности..., ну, с 1963 года, так. Вот что я сейчас, вот, я освобожусь? У меня нет ни дома, ни семьи, ни родных, вот.

(Осужденный, 62 года, стаж заключения около 45 лет, декабрь, 2007)

И.: То есть, семьи нет уже. А дети есть?

Р.: Есть.

И.: А вы с ними связь поддерживаєте?

Р.: Ну, я зайду, хочется там, а с женой я не общаюсь...

И.: А как часто они приезжают?

Р.: Да ну, как-то в общем-то и не так.

(Осужденный, 60 лет, третий срок заключения, декабрь, 2007)

И.: Связь с семьей не поддерживаєте?

Р.: Нет, ни с кем. Я им не нужен.

(Осужденный, 61 год, стаж заключения 20 лет, декабрь, 2007)

Р.: Жена осталась, сын, вот внучке 6 лет. Ей 3 годика было, когда меня посадили. Она написала, и я писал бы и поздравительные телеграммы, и с днем рождения, и внучке, и сыну, и ей. Она написала мне письмо: «Забудь про нас». И больше, сколько я ей писал, открытки опять посылал... Или она, может быть, не отдает их сыну, а может быть... Не знаю, куда она их деваает. А может быть, договорились написать, я не знаю, и до меня не дошло. Сказать ничего не могу насчет этого.

(Осужденный, 67 лет, первый срок заключения, декабрь, 2007)

Можно констатировать, что пожилой осужденный в результате своего криминального образа жизни и длительного периода пребывания в ИУ (например, свыше 10 лет) не может выполнять необходимые социальные роли (сына, брата, мужа, отца), что и обуславливает негативное к нему отношение со стороны

родственников. Именно дистанцирование семьи и разрыв отношений с осужденным является главной причиной нежелания родственников быть ему опорой в старости после освобождения.

Семьи никогда и не было

Важной составляющей нашего исследования явилось изучение родительской семьи осужденного, в рамках которой формируется направление социализационной траектории человека. Полученные данные позволяют утверждать, что данный фактор становления на преступный путь в детстве и подростковом возрасте среди опрошенных осужденных пожилого возраста является приоритетным. Так, более половины респондентов вышли из той категории семей, которые можно было назвать как неблагополучные или социально неблагонадежные: у респондентов было нелегкое, голодное детство, родственники из криминального мира и собственный опыт подростковой преступности. Их социализация проходила в условиях, способствующих усвоению преступного опыта, что в результате и повлияло на весь жизненный путь:

Р.: Была и семья. Просто это уже в крови, наверное.

И.: У вас родители такие же? ...

Р.: Отец был такой. ... И брат такой же.

И.: То есть занимаются воровством?

Р.: Да. Карманники.

И.: И они вас обучали этому?

Р.: Зачем? Я сам природный карманник (смеется). Все время вот карманник... Родился, вырос и пошел.

И.: А вот первый самый раз, что вас толкнуло на это?

Р.: На это? Деньги... Жрать-то хотелось. Вы сами знаете, 50-е годы, вот. Мать работала, ходила на свиданки к отцу.

И.: А отец сидел?

Р.: Да. А у нас жрать было нечего, кроме молока и черного хлеба. И то, если хлеб достанется.

(Осужденный, 66 лет, стаж более 30 лет, июль, 2008)

Р.: А как только решил птичку себе завести. ... Щегла хотел заиметь вот, а денег не хватает... А это дорого, и клетка и все... Идет женщина, у нее кирзовая сумка, сверху лежит кошелек. Я руку протянул, он у меня в руке остался.

И.: Щегол, считай, в кармане.

Р.: И клетка еще. Вот всю жизнь и поперло.

(Осужденный, 60 лет, стаж заключения 32 года, декабрь, 2007)

В результате, можно констатировать, что первичная социализация опрошенных пожилых осужденных происходила в условиях, не способствующих усвоению положительного опыта семейных взаимоотношений, позитивные

образы «мужа», «отца» не сформировались, отношения с «неблагополучной» родительской семьей не поддерживаются. Усвоенные образцы поведения, перенесенные на супружескую семью, выдают давно распавшийся к пожилому возрасту брак и детей, связь с которыми, как правило, не поддерживается. Данный вывод, бесспорно, актуализирует тему важности социализации и работы социальных служб с ребенком и подростком, чьи родители являются социально неблагонадежными.

«В семье не без урода»

Около 20 % респондентов родились и росли в самых обычных семьях, где родители не только не являлись носителями криминальных норм, но и были положительными, достойными подражания людьми. Однако социальный опыт и жизненный путь привели наших респондентов именно в исправительное учреждение, причем неоднократно:

Р.: Ой, в семье даже очень было хорошо. И все у меня отлично было. И родители. Я один в семье был (смеется), и вот дурак, в семье не без урода. Вот такой вот получился я урод.

И.: А дети у вас есть?

Р.: Есть где-то. Я ее не знаю.

(Осужденный, 65 лет, 3 срок заключения, июль, 2008)

И.: А вот у вас семья, когда вы были ребенком, она у вас была такая нормальная, полноценная?

Р.: Полноценная. Отец работающий, две войны кончил, германскую и японскую. На 71-ом году из жизни ушел.

И.: Дети у вас есть?

Р.: Есть сын у меня.

И.: Они к вам приезжают, пишут?

Р.: Нет. Сейчас я с сыном... Не стал писать. Уже жизнь своя... А жена умерла.

(Осужденный, 71 год, 8 срок заключения, июль, 2008)

Р.: У меня шесть братьев, если насчет меня, как говорится, три сестры родных. У меня мать-героиня. А также меня заботит вот такое, не считая, восемь племянников и племянниц... У меня мать с высшим образованием. А отец — подполковник, танкист. Вот японцев бил, финнов бил и в войну участвовал, закончил войну подполковником, командиром зам. полка, подполковником. Ну, строго в семье было.

(Осужденный, 70 лет, первый срок заключения, декабрь, 2007)

Отталкиваясь от мнений респондентов, можно подтвердить значимость социального опыта человека (в противоположность его происхождению) в про-

цессе становления преступной личности, уже известную науке и практике. Наш же вывод заключается в том, что даже при наличии положительной родительской семьи осужденный с большим преступным опытом в пожилом возрасте не поддерживает связь с родственниками. Что же касается вопроса о супружеской семье, то с ней контакты прерываются еще задолго до пожилого возраста и основной причиной этого является также длительность криминальной деятельности и периода пребывания в ИУ, что обуславливает разрыв семейных отношений.

Неудачный брак как фактор преступности

Социальный институт семьи, являясь важнейшим агентом социализации человека, безусловно, оказывает влияние на формирование преступной личности. Данный тезис можно применить не только к родительской, но и к супружеской семье осужденного, поскольку проблемы в отношениях между супругами часто способствуют девиационным и криминальным проявлениям. Для некоторых респондентов семья вообще была главным смыслообразующим фактором, без социального контроля которой человек совершенно не может удержаться от криминального поведения:

Р.: Семья была. Квартира была. Она ревнивая была, ... я ревнивый. Ну и, короче говоря, я за ней наблюдал. Она меня выхватила (поймала на измене — прим. авт.). И решили разбежаться. Я уехал в Находку. Ни делиться, ни разводиться, ничего. ... Ни делиться, ни разводиться, ни на алименты она три года обещала. Ну, обещала сделать. Я ей и квартиру оставил. Ни скандала, ничего не было. По-мужски, короче, я сделал. Ну и там что, без мамки, без папки, а надо же питаться. А на столовую этих денег тогда... надо заработать было. И заработать одно... хоть и мог я готовить... И все, пошла, закрутилась. На первом году я там сел, в 72-ом году ... И пошло, и пошло. В Усурийске..., в Сибирь попал... И пошло, поехало все. Ну ладно, я домой попал. Устроился на работу. Пока мать жива была, держался. Ну, а потом, значит, мать умирает в 78-ом году и опять пошло-поехало.

(Осужденный, 71 год, 8 срок заключения, июль, 2008)

Другая группа респондентов отметила изменение отношений с женой во время отбывания первого срока наказания и после него в качестве значимого фактора выбора преступной траектории поведения. После своего первого освобождения осужденный оказывается разочарованным супружескими взаимоотношениями и отношениями с детьми, что, по мнению респондентов, повторно приводило их на путь преступности:

И.: А вообще у вас была семья?

Р.: У меня, да, была. Но почему-то она ко мне четыре года ездила и потом перестала, ну, когда я сел.

И.: То есть в первый раз вы сели и с тех пор она перестала ездить?

Р.: Нет. Был у меня 10 лет срок. Она четыре года поездила. Не видела меня, и все как-то по-другому стало. И пошло, и пошло, и поехало.

(Осужденный, 65 лет, 3 срок заключения, июль, 2008)

И.: Вот вы попали первый раз в исправительное учреждение и с тех пор...?

Р.: И с тех пор пошел, и пошел, и пошел.

И.: А вот после первого раза, почему вы не сумели, так сказать, исправиться? Или начать жить совсем по-другому? Почему вот так получилось, что вы второй раз попали в ИУ и так далее?

Р.: Ну так вот получилось. Женился неудачно. И так вот жизнь... пошло наперекосяк. Начал выпивать, вот и все. Это и привело.

(Осужденный, 66 лет, 7 срок, стаж 25 лет, июль, 2008)

Р.: С женой разошелся. Семья всю жизнь была нормальная. И родственники жили тоже нормальные. Вот, например, главный арбитражный судья Саратовской области — это двоюродный брат жены. То есть, соответственно, его отец был... зам. секретаря компартии ... Это тоже родственники. Вот, ну я — профессиональный карманный вор.

(Осужденный, 60 лет, стаж заключения 32 года, декабрь, 2007)

Таким образом, можно констатировать, что преступная деятельность пожилого осужденного, имеющего несколько сроков отбывания наказания в течение жизненного пути, может начинаться в детстве как негативный опыт внутрисемейных социализационных процессов, а последующий распад супружеской семьи в таком случае является катализатором продолжения преступного пути. В случае выбора криминальной траектории поведения в более позднем возрасте неудача в семейной супружеской жизни рассматривается пожилыми осужденными в качестве значимого переломного события, повлиявшего на весь их жизненный путь.

Выводы

По результатам проведенного социологического исследования значение семьи в жизненном пути пожилого осужденного можно свести к нескольким основным положениям.

1. Оценка сотрудниками исправительного учреждения роли семьи в жизни пожилого осужденного является положительной. Связано это с тем, что опыт общения с осужденными позволяет им утверждать, что семья и семейные взаимоотношения представляют собой практически единственное значимое событие в жизни осужденного любого возраста. Среди положительных аспектов влияния семьи можно отметить следующие:

— ощущение собственной нужности (значимости), т. к. семья ждет осужденного на свободе;

– ощущение уверенности в завтрашнем дне, т. к. есть где жить после освобождения из ИУ;

– ощущение независимости и самостоятельности в стенах исправительного учреждения благодаря материальной поддержке (передачи от родственников).

Данные аспекты позволяют осужденному стремиться к скорейшему освобождению, что выражается в соблюдении требований режима.

2. Семейное состояние осужденных пожилого возраста можно разделить на четыре типа:

– первый тип — осужденные, имеющие семью и детей, связь с которыми поддерживается. Данные осужденные относятся к самому малочисленному «случайно-семейному» типу (20 %), чья социальная адаптация в посттюремный период будет положительной, т. к. им есть куда и к кому вернуться. Относительно данного типа осужденных институт семьи выполняет свои функции в полной мере;

– второй тип — осужденные, имевшие семью в прошлом, но давно распавшуюся, как правило, по причине преступной деятельности и большого периода отбывания наказания в местах лишения свободы. Данные осужденные относятся к наибольшему по численности типу «неисправимых одиночек» (50 %), чей образ жизни в основном и далее будет характеризоваться как криминальный. Относительно данного типа институт семьи не выполняет своих функций и для осужденных не имеет никакого значения;

– третий тип — осужденные, периодически проживающие в рамках гражданского брака. Данные осужденные представляют собой небольшой по численности тип «одиноких гостевиков» (20 %), чья положительная посттюремная адаптация также является сомнительной, т. к. их криминальная деятельность не является случайной, и институт семьи не играет особой роли в исправлении осужденного, обеспечивая временное проживание на свободе;

– четвертый тип — осужденные, имевшие семью в прошлом, распавшуюся по причине совершенного преступления, или имеющие в настоящем, но семья в одностороннем порядке не поддерживает с ними никаких положительных контактов. Данная группа относится к наименьшему по численности типу «случайных, отверженных» осужденных (10 %), которые имеют желание поддерживать связи с семьей. В отношении них институт семьи не выполняет функций поддержки в кризисной ситуации, демонстрируя нежелание мириться с совершенным преступлением.

3. Первичная социализация пожилых осужденных происходила в условиях, не способствующих усвоению положительного опыта семейных взаимоотношений, позитивные образы «сына», «мужа», «отца» не сформировались, отношения с «неблагополучной» родительской семьей не поддерживаются. Усвоенные образцы поведения, перенесенные на супружескую семью, выдают давно распавшийся к пожилому возрасту брак.

4. Роль супружеской семьи для осужденных третьего возраста нельзя оценить однозначно. С одной стороны, обретение новой семьи пожилым осужденным может явиться катализатором его исправления. С другой стороны, распад

в прошлом супружеской семьи пожилым осужденным оценивается либо как значимое переломное событие, повлиявшее на выбор криминальной траектории поведения, либо как катализатор продолжения преступного пути. Контакты с супружеской семьей прерываются задолго до наступления пожилого возраста, основной причиной чего является длительность криминальной деятельности и периода пребывания в ИУ, что обуславливает разрыв семейных отношений.

5. Практическое влияние семьи и семейных взаимоотношений на жизнь пожилого осужденного не может быть оценено однозначно. С одной стороны, негативные аспекты первичной социализации, которая осуществлялась в семье еще в далекой молодости, во многом определили криминальный образ жизни «неисправимых» осужденных пожилого возраста на протяжении всей жизни. С другой стороны, потребность в эмоциональной составляющей жизни отмечается практически у всех осужденных, хотя потребность именно в семейных взаимоотношениях (общение с детьми, внуками, участие в их жизни) наблюдается лишь у тех, которых мы отнесли к категории «случайных» преступников. А это означает, что первоначальная гипотеза исследования подтвердилась. К сожалению, «неисправимыми» осужденными пожилого возраста семья рассматривается как место жительства, куда они могут вернуться после очередного освобождения из исправительного учреждения, возможно, на время, что доказывает стереотипичность общественных представлений о безусловной значимости института семьи в процессе исправления осужденного третьего возраста.

Литература

Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований / Учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М.: Аспект-Пресс, 1995.

Двойменный И.А. Рецидивная преступность: характер, факторы, уровень // Социологические исследования. 2000. № 1.

Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. 4-е изд. М.: КДУ, 2006.

Криминология / Под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Юрид. лит., 1988.

Миняева Т.Ф. Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации. М.: Издательство НОРМА, 2001.

Новикова А. Контакты с внешним миром // Положение заключенных в современной России. Доклад и тематические статьи. М.: Московская Хельсинкская группа, 2003.

Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.